

И. С. СКОРОПАНОВА

ПРОБЛЕМА НАВРСТВЕННОГО ВЫБОРА В ПОЭЗИИ В. Н. СОКОЛОВА

Поэтические произведения Соколова — своеобразный лирический дневник, страницы которого позволяют проследить, как молодой человек, преисполненный юношеского идеализма и романтизма, реализует свои мечты и надежды в испытаниях века, в творчестве, любви, как формируется его нравственная позиция, социальный облик, складывается поэтическая судьба.

Поразительно достоверно передает Соколов в произведениях 40—50-х годов владеющее юным лирическим героем взволнованное ожидание чего-то необыкновенного, неизведанного, ослепительно прекрасного в жизни. Позади война, нависавшая черной тучей над детством, будущее видится как одна огромная, ошеломляющая, не вмещающаяся в слова радость. Герой Соколова открывает для себя прелесть московских улиц, переулков, дворики, красоту снегопадов, дождей, облетающей листвы, чудо первых свиданий... В стихах этого времени много воздуха, света, бликов, звуков, движения, улыбок. Им присущи черты импрессионизма: недосказанность, полуднамеки, полутона. Доминирует «половодье» трепетных, чистых, возвышенных чувств. Будничное, обыденное, привычное поэтизируется, волшебное преобразается восприятием одухотворенным, романтическим.

Для Соколова важна общая атмосфера праздничности, отражающая приподнятое, безмятежное состояние духа лирического героя, не обремененного еще грузом жизненных тягот, ошибок, втайне уверенного в своем счастливом жребии. Поэту великолепно удалось передать сам «вкус» юности, свежесть, остроту, непосредственность бушевавших молодого человека чувств («Ручьи, ручьи...», «Студеный май», «Сирень» и др.).

Самочувствие, свойственное молодости, сохраняется у лирического героя Соколова очень долго. Он как бы не хочет взрослеть, ощущает себя в душе мальчишкой, которого не волнуют бытовые заботы, карьера. Несмотря на идущие годы, герой поэта упрямо остается идеалистом. Жизнь, между тем, не спешит исполнить его большие ожидания. Напротив, из произведений рубежа 50—60-х годов видно, что в глазах окружающих он неудачник: не облаканный судьбой поэт, «лунатик», чужак. «А ты, гляжу, все так же бредишь, / Не понимаешь ничего»¹, — иронизирует давний приятель. «Прийти в себя: забыть о бреднях» (197) — умоляет любимая женщина. «Да ты, пожалуй, окочурясь, / в гробу-то краше бы лежал» (226), — констатирует удачливый коллега. Так воспринимают лирического героя люди, начинавшие вместе с ним жизненный путь, но спасовавшие перед большими и малыми трудностями жизни, добившиеся успеха ценой компромиссов: пассивные и воинствующие обыватели, потребители, приспособленцы. Соколов включает их голоса и целые монологи в поток лирической исповеди героя («Воспоминания о кресте», «Чайка», «Чужое письмо»). Этот прием позволяет художнику противопоставить две жизненные позиции — конформизм и неконформизм, показать переживания человека, столкнувшегося с социальной и нравственной мимикрией.

О кризисном периоде духовной биографии лирического героя, когда реальная действительность с ее противоречиями стала вытеснять из его

сознания идеализированные о ней представления, повествует поэма «Чужое письмо». В ней запечатлен сложный процесс самоопределения личности, убедившейся в том, что ни честность, ни талант не могут служить гарантией жизненного успеха, а двойная мораль позволяет процветать недостойным. Происходит крушение привычного образа мира, сложившегося в душе героя, все, кажется, «летит в тартарары». Поток захлестывающих мыслей, чувств кажется человеку неуправляемым, расползающимся, как будто от него ускользает самое важное. Уточняющие речевые повторы, по сути, ничего не уточняют, их многочисленные варианты создают впечатление кружения на месте. Всегда ощущавший себя «честным, чистым, голубым», лирический герой вынужден признаться в растерянности перед жизнью, трусливом желании уйти от ее сложностей и проблем. Более того, он испытывает искушение конформизмом, сулящим молочные реки и кисельные берега.

Отражая внутренний спор человека с самим собой, Соколов воссоздает в поэме тот вариант будущего, к которому приведет героя конформистский выбор. Здесь есть все атрибуты жизненного благополучия, но исповедуемые ценности измеряются только рублями. Возникающий в произведении образ торгаша талантом, совестью, связями олицетворяет тот тип преуспевающего современника, который всегда был отвратителен лирическому герою, воспринимался как антипод. Но это его собственный портрет годы спустя после примирения с интеллектуальным мечтанством. Все лучшее в герое поэмы бунтует против конформизма, приравниваемого к нравственному самоубийству. Потребность «упасть» живую душу в конечном счете одерживает верх.

На первый взгляд, лирический герой Соколова ничего особенного не добился. Двойная мораль продолжает существовать, не ушло из жизни приспособленчество. Героя по-прежнему сопровождают непонимание, безвестность, безденежье. Но он одерживает победу над самим собой, собственным малодушием, эгоизмом, мужает как личность. И лишившись жизненных иллюзий, герой поэта сохраняет веру в высокие гражданские и нравственные идеалы, хотя теперь гораздо определеннее, чем в молодости, представляет, каких невероятных усилий будет стоить их утверждение в жизни. Его отталкивают приспособленчество и социальный нигилизм:

Наплевать мне на хвост их павлиний.
И меня этот пестовал век!
Но святыню я вижу святыней,
Как любой несвятой человек (104).

Важным стимулом самоопределения и самосовершенствования лирического героя является нравственный суд друзей, единомышленников. Реальный или воображаемый, воплощенный в слове или во взгляде, он одинаково действен и необходим. Так, в стихотворении «На этой даче» отражен напряженный внутренний самоанализ героя, вызванный обвинением в бесхребетности, гражданской пассивности. Изнутри исследуя себя, преодолевая самолюбие, самообольщение, стыд, герой Соколова вскрывает раздвоение собственной личности, в которой противостоят друг другу активное и конформистское начала. Отсюда проистекает нежелание иметь врагов, стремление уйти от острых, конфликтных ситуаций и проблем времени.

Доводя критический самоанализ до логического конца, лирический герой видит свое будущее в виде тихого омута. Иначе говоря, он явственно осознает, что вместо полноценной жизни может состояться ее обывательский вариант. Шутливая присказка «Когда я ем, я глух и нем» утрачивает свою безобидность, получает расширительное значение нравственной глухонмоты. Герой стихотворений не может с этим примириться. Он отвергает и «золотую середину» всеядности, и «тихий омут» псевдожизни. Нарастающий в его душе протест против собственной инертности, слабхарактерности, трусости, мешающих реализации личности, подчеркивается градацией:

Был мой итог до боли ясен.
Дышало сердце, как гонец:
Я не хочу, я не согласен!
Я протестую, наконец! (141)

Лирический герой выбирает образ жизни, не обещающий спокойствия, но возвращающий самоуважение: честный, бескомпромиссный, ищет возможность на деле проявить качества гражданина.

Умение исследовать диалектику души, выявить нравственно-психологические предпосылки совершаемого выбора — одна из сильнейших сторон поэтического дарования Соколова. Изображение внутренних процессов приобретает под его пером и драматическую напряженность, и общественную значимость. Борьба человека с самим собой предстает как средство очищения и совершенствования личности. Несомненный интерес в этом плане представляет стихотворение «Я мальчиком был». Это исповедь человека, устыдившегося превращения собственной жизни в игру, бытовой театр, отвергающего притворство и фальшь во взаимоотношениях между людьми. Произведение позволяет понять, что создает лицедея и как опасен этот порок.

Стихотворение воссоздает и настоящий, и привычный для других облик лирического героя. Знакомые видят в нем «большого ребенка»: милого, доброго, чистого, но наивного, беспомощного, не разбирающегося в жизни, неспособного на мужские поступки человека. Вот почему ему многое прощается, и он не утрачивает ничего расположения. Между тем, показывает Соколов, инфантилизм культивируется лирическим героем сознательно — как средство облегчить свое существование, уйти от решения возникающих проблем. За маской «большого ребенка» на самом деле скрывается эгоист, не желающий обременять себя чужими бедами, трудностями, тревогами. Он умело лицедействует, создает превратное представление о своей персоне. Двуличие, лицемерие приносят в его отношения с людьми фальшь, становятся источником обиды и боли. Актерство героя не только ранит других — оно лишает и его самого счастья настоящей человеческой близости, доверительности, взаимопонимания, тепла. Все это вместе взятое способно деформировать нравственный облик человека.

К чести лирического героя, притворство не становится его второй натурой, маска не прирастает к лицу. Актерство мучит героя стихотворения, вызывает неприязнь к самому себе. В глубине души он сознает непорядочность своего поведения, ощущает стыд перед искренне расположенными к нему людьми, которым платит за добрые чувства фальшивой монетой. Герой проклинает «пагубу фальши», превращающей живого человека в марионетку собственных слабостей, осуществляет над собой нравственный самосуд. Он хочет иметь настоящее лицо, опасается не состояться как личность.

Недостаточно, однако, сказать, что лирический герой художника стремится предстать перед читателем без грима. Мы постоянно ощущаем его усилия по пересозданию самого себя, желание «вырасти», «вытянуться», «стать повыше». Эти мотивы звучат в таких произведениях конца 60 — 70-х годов, как «Этюд I», «Попробуй вытянуться», «Ты плачешь в зимней темени» и др.

Результат напряженных многолетних усилий героя Соколова (прожить жизнь в соответствии с избранными принципами) запечатлен в поэме «Сюжет». Главный структурообразующий элемент повествования в произведении — поток сознания с присущим ему свободно-хаотичным течением мысли, мгновенным переключением из настоящего в прошлое, переплетением реального и воображаемого. Это дает автору возможность раскрывать диалектику души лирического героя, проверять жизнь взрослого человека его юношескими идеалами.

Герой поэмы предстает на привычном для него фоне московских улиц, но урбанистический пейзаж неустойчив, в любой момент может превратиться в фантом: на наших глазах лето сменит зима, и снова наступит одуряющий зной, и вновь полетит снег... Что-то нарушилось в окружающем мире, сдвинулось со своих мест, вызывает тревогу. Таков образно-символический эквивалент общественного неблагополучия 70-х годов, возникающий в произведении. Его конкретизированное выражение — судьбы бывшего товарища и любимой женщины, свидетельствующие о мещанском перерождении части интеллигенции. «Странность» лирического героя, усматриваемая в безразличии к внешним атрибутам удачливости и благополучия, устремленности в духовную сферу жизни, акцентирует распространенность в обществе потребительских настроений. Для него же главное — жажда совершенства, поиски дорог к идеалу, неустанная работа над собой. Жизнь героя — антитеза антижизни многоликих обывателей, конформистов. Он владеет целым миром, который лепит силой творческого воображения, и рядом с этим богатством теряют всякую цену самые роскошные, престижные для других вещи. Поэзия, к которой обращены все помыслы лирического героя, по-

